

УДК 811.161.1

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО ПРАВА И ОБЪЕКТ ПРИКЛАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Волков Валерий Вячеславович

д-р филол. наук
Тверской государственной университет, Тверь

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье обосновывается, что концепт «Справедливость» в русском менталитете воспринимается как связанный прежде всего с нравственной правдой и лишь затем – с юридическим правом.

Ключевые слова: справедливость; юридическая лингвистика; лингвокультурология; уголовное право; теория номинации; концепт.

JUSTICE AS PRINCIPLE OF CRIMINAL LAW AND AN OBJECT OF APPLIED JURIDICAL LINGUISTIC CULTUROLOGY

Volkov Valery Vyacheslavovich

doctor of philology
Tver State University, Tver

Abstract. The author proves that Russian mentality perceives «Justice» first of all as moral true, in the second place as legal concept.

Key words: justice; juridical linguistics; linguistic culturology; criminal law; theory of nomination; concept.

Научное направление, с которым связано содержание данной статьи, – прикладная юридическая лингвоконцептология как часть юридической лингвокультурологии. Задача юридической лингвоконцептологии – выявление основополагающих концептов правосознания (трактуемых, в соответствии со сложившейся лингвокультурологической традицией, как сознательные и бессознательные полимодальные, то есть вербальные и невербальные, семантические регуляторы человеческого мышления и поведения) и лингвистическая характеристика их состава и структуры. Прикладной аспект этой задачи связан с теоретическими лингвокультурологическими основами работы по повышению уровня правовой грамотности и правосознания населения.

Не секрет, что правовая грамотность, а следовательно, и правосознание населения нашей страны оставляют желать лучшего. С лингвокультурологической точки зрения, основная причина – в межстилевой полисемии опорных лексем, нередко переходящей в омонимию. В правовом дискурсе и в обиходе внешне «одинаковые» слова используются в разных значениях и смыслах, с разными целевыми установками (с разной интенциональностью). Частично профессионально-юридические и обиходные смыслы пересекаются, – но лишь частично. Поэтому весьма актуальным и социально значимым представляется задача выявить как общие части этих значений (зоны семантического пересечения, наложения), так и специфические.

В случае лингвокультурологического анализа текстов уголовного права исходный список межстилевых лексем, подлежащих последующему изучению, извлекается из Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, инициальная глава «Задачи и принципы уголовного права Российской Федерации» декларирует следующие базовые принципы уголовного права: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. В дискурсе правоведения *законность, равенство, вина, справедливость и гуманизм* выступают как

термины, одноименные «тем же самым» общеупотребительным существительным. В методологической основе их лингвокультурологического исследования – сопоставление обиходных и профессионально-юридических значений и смыслов (см., например, выполненные по данной методике наши работы, в которых рассмотрены лексемы *закон* [1], *право* [2] и общие вопросы сопоставительного лингвокультурологического исследования правового и обиходного сознания [3]). Эта задача представляется достаточно очевидной, если исследуемые лексемы имеют ясные юридические толкования, как в случае с сущ. *законность*, *равенство* и *вина* [4, с. 340 и др.]. Однако ситуация с сущ. *справедливость* и *гуманизм* – существенно иная.

Предмет данной статьи – *справедливость* как именование, с одной стороны, принципа уголовного права, с другой стороны, лингвокультурного концепта, фиксирующего достаточно диффузные обыденные **представления о должном** в социальных и межличностных отношениях. Социальные ожидания сводятся к тому, что формальные правовые нормы и процедуры выступают как реализация принципа справедливости как «дóлжного».

Но что такое справедливость, понимаемая как «должное»? Формулировка ч. 1 ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости» носит сугубо описательный характер, строится именно в модальности долженствования: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера... должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [5, с. 4]. Как видим, названы четыре признака принципа справедливости:

- 1) *характер* преступления;
- 2) *степень общественной опасности* преступления;
- 3) *обстоятельства* совершения преступления;
- 4) *личность виновного*.

Все эти признаки – многокомпонентные, очень сложно организованные, что делает возможность их сугубо объективного учета в целях практической реализации принципа справедливости весьма проблематичной. Сознавая это, общество ждет, что правоохранительные органы, прежде всего судебные, будут основываться в своих решениях не только на теоретических выкладках и опыте правоведения, но и на «непосредственном чувстве», что и отзывается в социальных ожиданиях (и требованиях) «судить по закону и внутреннему убеждению», то есть опираясь не только на *закон* но и на *голос совести*. «Голос совести» в этом контексте следует понимать не только как следование суда принятым в обществе нравственным нормам, но и как учет многих других социальных ожиданий, связанных с представлением о справедливом, «должном» **мироустройстве в целом**. Поскольку эти представления у разных народов и отдельных людей, у разных социальных групп и политических партий в разное историческое время разные, то и «справедливость» оказывается очень неоднозначной.

В чем может быть усмотрено **семантическое ядро справедливости** как лингвокультурного концепта? На выделение «семантических ядер» общеупотребительных лексем «по определению» нацелены филологические словари, призванные в предельно компактной форме выразить типовые обиходные представления носителей языка о том, что именуется заголовочным словом словарной статьи. В типичном случае, как например, с концептом «Закон» [1], словари выступают как важнейший источник. Однако не в ситуации со *справедливостью*. С точки зрения словообразования, русское сущ. *справедливость* – транспозитивный дериват, лексическое значение которого тождественно значению мотивирующего прилагательного *справедливый*. Это прилагательное, в свою очередь, в академической лексикографии трактуется через словарный идентификатор «истина», ср.: «**Справедливый**... Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. *С. судья. С. начальник, командир.*

Справедлив ли ты к сыну? Очень с. Быть, оказаться справедливым. || Основанный на беспристрастном соблюдении истины, правильном отношении к кому-, чему-л. *С. суд. С-ое решение. С. приговор. С-ая оценка*» [6, с. 1252]. Таким образом, вопрос *Что такое справедливость?* сводится к вопросу *Что есть истина?* Следуя правилам ступенчатой идентификации лексической семантики, обращаемся к словарному толкованию *истины*: «**Истина**... То, что соответствует действительности; правда. *Сказать истину. Его слова близки к истине. Жизненная и Горькая и.*» [6, с. 403]. Результат – синонимизация *истины* с *правдой* – превращает этот путь решения задачи в «порочный круг», поскольку, с точки зрения морфемики, *правда* – это корневой элемент сущ. *справедливость* (*с-правед-лив-ость*), возможное словообразовательное толкование: *справедливость* – «с *правдой*». Отсюда два варианта прочтения корневой части семантики сущ. *справедливость*: через опорное сущ. *истина* и через опорное *правда*.

Истина – абстрактно-теоретична, правда – конкретно-жизненна. Это основополагающее различие ясно фиксировано в Словаре В.И. Даля, который точнее любых других лексикографических источников фиксирует особенности русской ментальности, ср.: «**Правда**... истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость» [7, с. 379]. Таким образом, *справедливость* сводится к «*правде* (соответствию) жизни», к *конкретности истины* «в контексте жизненного мира» [8]. В обобщенной характеристике существо оппозиции *правды* и *истины* (детальный лингвокогнитивный и лингвокультурологический анализ соотношения этих концептов см. в книге Н.Д. Арутюновой, раздел «Истина и правда» [9, с. 543-642]) сводится к следующему: «Зона правды объемлет конкретный жизненный материал, поток происходящего, а также образы, локализованные в сознании. Правда в своем отношении к содержанию сознания преходяща, она фиксирует лишь момент быстротекущей жизни. *Правда* отталкивает от себя определение *вечная, истина*

его притягивает. Зона истины объемлет суждения и представления о скрытом мире – абстрактном, трансцендентном, запредельном, идеальном. Истина стремится к целостности и вечности» [9, с. 633]. Следовательно, в проекции на вопрос о соотношении *справедливости* и *равенства*, получается следующее: *истина* предполагает безусловное *равенство* и *равноправие* («равность прав») как *равенство перед законом*, – *правда*, напротив, предполагает *неравенство* по «правде жизни», и тогда ***социальная справедливость*** – это не абстрактное «равенство прав» между (абстрактно) равными, но **конкретность компромиссов** между (конкретно) неравными – как между людьми, так и между социальными институциями в лице закона и нравственности, в том числе конкретность компромиссов между «законом» и «совестью» («внутренним убеждением») суда.

С.Л. Франк в статье «Философские предпосылки деспотизма» (1907) разъяснял: «Из этого равноправия вытекает формула *справедливости* (которая есть лишь выражение равноценности «ты» и «я»): я должен отвлекаться от всех *моих личных* интересов, симпатий, антипатий, не должен приписывать им какого-либо преимущественного значения по сравнению с интересами и симпатиями всех других людей, должен относиться ко всем людям одинаково, ценить и уважать их независимо от их близости или удаленности от меня, от их согласия или несогласия со мной. <...> Что бы я ни делал, к чему бы ни стремился, какие бы цели ни преследовал, передо мной как абсолютная преграда стоят права других, которые я должен чтить...» [10, с. 104-105]. Следовательно, *справедливость* – это «искусство компромисса», «балансировки интересов» разных субъектов (людей, партий, государств и т.д.).

С этой трактовкой семантического ядра концепта «Справедливость» отчетливо перекликается его современное философское прочтение, ср.: «...справедливость как социально-нравственная категория проявляет себя через императивное требование разрешения существующих обще-

ственных противоречий» [11, с. 13], – справедливость понимается как общежительный принцип, нацеленный на реализацию общего и индивидуального блага. Однако такое прочтение, при всей его бесспорности, вынуждает к истолкованию понятия «благо», что заведомо обрекает исследование на «дурную бесконечность» в исчислении составляющих концепта «Благо» как основания справедливости.

Таким образом, с эпистемической точки зрения, основные свойства концепта «Справедливость» – субъективная очевидность при невозможности компактного и в то же время претендующего на объективность определения, что делает «Справедливость» одной из самых «загадочных» этико-правовых категорий и концептов обыденного сознания, поддающихся, как было показано выше, лишь описательной характеристике.

Попытка преодолеть это препятствие на основе выявления конечного списка атрибутов – в книге американского философа Д. Ролза «Теория справедливости» (1971). Феномен *справедливости* характеризуется им на основе соположения с такими смежными понятиями, как *честность, равенство, рациональность, свобода, терпимость* и др. [12]. Тем самым *справедливость* оказывается неким «центром притяжения» различных гуманитарных понятий, фактически полагается в основу целостной концепции этико-правового устройства общества и государства. Смысловое ядро самого понятия «справедливость» при этом остается неопределенным, по сути, сводится к предельно общей формулировке «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли» [12, с. 19]. Фактически *справедливость* оказывается в числе так называемых «первичных понятий», которые не поддаются конечному определению, но могут быть только описаны через их соотнесенность со смежными понятиями. Справедливость становится подобной симулякру – «абстракции» [13], пустому понятию, лишенному реального содержания, потому что его характеристики расширяются до «дурной бесконечности», откуда те

или иные компоненты извлекаются по соображениям индивидуального произвола.

Отсюда вопрос: возможно ли в принципе выделение у справедливости как «первичного понятия» этики и права некоего более или менее строго определенного семантического ядра? Один из основных способов – экспертное выделение наиболее близких смежных понятий. Так, юридическая оценка дает следующий результат: *справедливость – право, закон*; основание такого решения – в исходном положении, что «без принуждения справедливость бессильна, а право без справедливости – бесчеловечно» [14], более широкий гуманитарный взгляд выявляет специфическую «промежуточность» справедливости – между правом и нравственностью [15]. Остается решить: в чем «специфически русский» взгляд на справедливость как правовой феномен – ближе справедливость, по нашим представлениям, к *праву* (закону) или к *нравственности* (к совести, «внутреннему убеждению»)? Абстрагируясь от многообразия возможных историко-этимологических прочтений (подробный лингвокультурологический анализ см. в: [16]), обратим внимание на принципиальное различие внутренней формы русского *справедливость* и латинского *юстиция*. Как было показано выше, собственно русское *справедливость* связано с представлением о *правде* как «истины на деле», в «живой жизни», латинское *justitia* ‘справедливость, правосудие; право, совокупность законов’ – непосредственно от *justus* ‘справедливый; законный, узаконенный’, далее, в конечном счете, восходит к *jus, juris* ‘право, справедливость; совокупность законов’. Тем самым термин *юстиция* фиксирует *императивность права* как основание справедливости, а русское сущ. *справедливость* отсылает к представлению о *правде* как *нравственно должном* во взаимоотношениях между людьми.

Список использованных источников

1. Волков В.В. Лексема *закон* и концепт «Закон» в русской языковой картине мира // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11. С. 173-177.
2. Волков В.В. Лексема *право* и концепт «Право» в русской языковой картине мира // Формирование лингвокультурологической компетенции: современные проблемы и решения. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. С. 81-87.
3. Волков В.В., Воднева А.А. Правовое и этическое сознание как бинарный объект лингвокультурологии // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки» [Электронный ресурс]. 2013. № 2. Режим доступа: URL:<http://www.apriori-journal.ru/seria1/2-2013/Volkov-Vodneva.pdf> (дата обращения: 07.01.2015).
4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2011. 192 с.
6. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Репринтное издание: В 4 т. Т. 3. М. : Рус. яз., 1999. 556 с.
8. Керимов Э.С. Демократия и справедливость в контексте жизненного мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2-2 (40). С. 85-88.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
10. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Русская мысль. 1907. № 3. С. 93-112.

11. Аитова Г.Ш. Новое в понимании справедливости в эпоху глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 34 с.
12. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 513 с.
13. Пахалов М.Ю. Справедливость: от объективной ценности в политико-правовой мысли западноевропейского Средневековья к современной абстракции // История государства и права. 2013. № 17. С. 39-43.
14. Иванова С.А. Справедливость, право, закон: к вопросу о соотношении понятий [Электронный ресурс] // Правовая инициатива. 2013. № 8. С. 3. Режим доступа: URL:<http://49e.ru/ru/2013/8/3> (дата обращения: 07.01.2014).
15. Перелыгин Н.М. Борьба права и нравственности за справедливость // Человеческий капитал. 2013. № 10 (58). С. 82-85.
16. Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 132-146.